

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

ладейный
ЭНДШПИЛЬ

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХ

Кобнер

Звук меж дверей, под утюжен хлам —
две шайки, вакса, кожаная обувь,
треники — дай выброси, не дам,
закройся, жизнь обходи,

продос целочки и школовы шик,
ковчег квартиры отпыхивает,
дай выброси, не дам, я знаю толк
в руках, слова пылают,

вело по паре: стариков, детей,
брюки, обувь, очки, перчатки...
есть что-нибудь от Ная? нет вестей...

никто у них, в любви зачатых,

не выживет, никто, семья
прошочена ночью утюгой...

вои только слез не надо, видишь, я
не все забыл... Забыл. И ты попробуй.

апрель 2010

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

ладейный
ЭНДШПИЛЬ

книга новых стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХ

Г 19
ББК 84. Р7

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 978-5-89803-208-1

© В. Гандельсман, 2010

СОБЫТИЕ ЖИЗНИ

Жарким полднем в Феодосии,
по пути на море или с моря —
в ослепительном оно разбросе
и в замедленном теперь повторе, —
в магазине «Канцелярские товары» —
глобусы, карандаши, тетради, —
иоселиани волн пасёт отары,
обесмыслив на секунду, ради
вспышки световой, повествованье, —
тишина, какая-нибудь муха,
всё оцепененье мира на свиданье
с детством зрения и слуха, —
тёмные очки, открытки, ласты,
перочинные ножи, игральные
карты, зонтики, зубные пасты, —
блики моресновиденья дальние,
из боспорского родясь и царского
полдня, чуть прикроешь веки, —
там вонзился запах канцелярского
ужаса вещей в меня навеки.

ВЕЧЕР

Чтение книги в квартире пустой
вдруг прервали шаги.
Кто мелькнул в коридоре, постой.
Никого в коридоре. Ни зги.
Кто прошёл к
то ли зеркалу, то ли к тому,
чтобы рифма, как шёлк,
приласкалась мелькнувшему.
Дышит смертная тень.
Столько скорбных родных,
под свою призывающих сень.
Ты утешная ль книга для них?
Бытие, точно с двух
перелистываясь сторон,
льнёт к срединной странице, как слух.
Миг — и явь встретит сон.

МГНОВЕННЫЙ СНИМОК

День, как волнистый попугай,
пёстр, зелен, золотист,
день вертится на жёрдочке. Слагай
пуховому гимнасту гимн, артист!
Мы сели на ступеньки всемером,
чтоб нас на память щёлкнул
прохожий, и бесшумный гром
внезапно охнул.

Из дома вынесли не труп,
но полутруп; завёрнут в саван,
он пошевелеваньем губ
был праздничной потехе явлен.
Прохожий щёлкнул, и в глазах
у каждого из нас зависли
носилки-жёрдочки. Пух-прах.
Задвинули и увезли из жизни.

НАУТРО

Под роялем стоят чемоданы,
без рубашки мгновение зябко,
спать укладывания данный
вечер вижу внезапно.

Чёрно-лаковый стул у рояля
с кругло-замершим блеском вращения,
от окна чуть холодной далью
зимней тянет из щели.

Нет ни голоса в мире, ни жеста,
прожит день целиком, без остатка,
и согревшееся блаженство
засыпания сладко.

А наутро — всё в бледном окрасе,
ломко звякнули чашка и блюдце...
И уснуть ещё раз, пока все
не уйдут, — и проснуться.

ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ

Я остро чувствую отсутствие
людей, которые ушли.
Сойти с ума и жить безумствуя,
ноль умножая на нули?

Нельзя. «Уж лучше посох...» В опыте
утрат, как белка в колесе,
вертись всей памятью. Но, Господи,
куда они девались все?

Я в гроб смотрел со всею утлюю
своей способностью смотреть,
и труп мне показался куклою,
и мерзкою игрушкой смерть.

Потом из пустоты бесчисленной
свет, чёрно-белый на просвет,
возник как смысл, но бессмысленный,
как если б «да» сказало «нет».

И это всё. Молчи. А то ещё
беду притянешь, как магнит.
Но если что-то мнит чудовище
живых людей, то пусть не мнит.

УЧТИВОСТЬ

Такси с коврами, впихнутыми в пасть
багажника, — иранцы! — мчится мимо,
чтобы, вписавшись в поворот, пропасть.
Совсем пропасть? Совсем. Невозвратно.

Японец на почтамт несёт письмо.
Над ним, в тяжёлой грации движений,
два облака, как два борца сумо,
плывут на юг, толстея от сравнений.

Щепотка мексиканских женщин ждёт
автобуса, который на подлёте
и скоро подчистую их склюёт.
Совсем склюёт? Совсем. Прощайте, тётки.

Прощайте, люди. Временная жизнь
почти прошла, — сужаясь, как воронка,
она меня сверлила: ужаснись!
Но я безмолвствовал и улыбался тонко.

ПРИРОДА И МЫ

В светловальне дня прояснены
все детали. Тих прозрачный скит.
Дерево подробной желтизны
в полномправном трепете стоит.

Или вдруг бестрепетно замрёт,
и не то что вскользь по сторонам, —
ни назад не смотрит, ни вперёд.
Горе, моя радость, горе нам.

ЧЕЛОВЕК

Что ты сделал с жизнью своей,
что тебе не простится?
Не сумел как светлей.
Почему она длится?

Что ты сделал с нею, старик?
Дочь тебя презирает.
И жена, точно крик,
замерла. Так бывает? —

чтобы ночь в темноте лежать
чуть дыша, но бояться
насовсем перестать
и с собою расстаться?

Что ты сделал? Шарканье шин
да проезжие всплески
музыки из машин.
Отсвет на занавеске.

СЕБЯ Б

Не видя ни смысла, ни прока,
я по теневой стороне
брёл в мыслях: зачем нас глубоко
зароют? Зачем это мне?

Никто ничего не ответил.
И если бы я не упал,
споткнувшись, себя б не заметил
и тут же себе б не сказал:

бессмыслица — жизни прореха
и смерти тупое клеймо,
когда б не дрожало от смеха
«бессмыслица», слово само.

СКАЗКА

Жизнь от неба в двух шагах,
над рекою зяблый свет,
рот разинет рыба-страх,
рыба-сон зевнёт в ответ.

В гору, в гору спину горбь,
блещет на вершине снег,
сухо крикнет птица-скорбь,
отзовётся птица-смех.

Жизнь в ушко небес продень,
белый свет шитья расправь,
ветка-явь отбросит тень,
ветка-тень отбросит явь.

БИНОКЛЬ

Меня бинокль привлёк,
и я купил бинокль.
Далёкий мотылёк,
ты так же одинок ль?

Ты так же близорук ль,
когда, надев очки
(твой взгляд — горящий уголь!),
глядишь в мои зрачки?

Простая сила линз —
и мы с тобой уже
не плоть, и желчь, и слизь,
но тихий гимн душе.

МЫШЬ

То не зверь кричит, не птаха,
проклиная бытие,
то орёт приманка-плаха
мышью, влипшейся в неё.

— Вороти, судьба, оглобли! —
так кричит, кто мал и сир.
Друг, ты слышишь эти вопли,
сотрясающие мир?

— Слышу, вижу, чьё-то лихо
смотрит с плахи на зарю.
С омерзением, но тихо
дверь в кладовку притворю.

ПРИЧАСТИЕ

Небеснейшее помню дуновенье
в трамвае на Литейном, ясным днём —
я совершенно умер в то мгновенье,
но вспыхнул свет — и я очнулся в нём.

С тех пор в тоске я замираю часто
и думаю, что этот чудный сбой —
есть первый миг продлённого причастья,
когда душа прощается с тобой.

ФОТОГРАФИЯ

Я вынул фотографию, портрет
того, которого на свете нет.
Потом убрал. Тень лампы колыхнулась,
и мне почудилось, что в ящике стола
отображенье задохнулось.
Как странно скорбь меня подстерегла!

ХОДАСЕВИЧ В СТОЛОВОЙ

Людей узор необязательный —
старик, две дамочки, семья...
Второстепенный, описательный
свой дар на них потрачу я.

Они снуют вблизи с подносами,
несут еду, потом едят.
Дыша кухонными отбросами,
вдали работники галдят.

Как серенько, как посетительно,
рука запуталась в плаще,
беспомощно, неубедительно,
бездоказательно, вотще!

Зажмурясь, откажу творению,
распорядившись видом дня
по собственному усмотрению...
О, пиршествуйте без меня.

ИСПУГ

Уже развязку в этой драме
торопит похотливый стыд,
уже разряд между шарами
голов сверкает и шипит,

уже горячей лавой в лоно
летит шальная булава
и оползнями на два склона
омертвевают оба два...

Но полно! Что это такое?
Какой корёжит их недуг?
Какое зверство половое
сношение! Какой испуг!

СТАРИК

Старик встаёт кряхтя.
Накинувши халат,
сластёна и дитя,
он ищет мармелад.

На ощупь, в темноте,
он ищет и дрожит,
но он не помнит, где
он, собственно, лежит.

И явь настолько сон
и чёрное трюмо,
что кто здесь этот «он»
ему неведомо.

СЛОВО

Наивным словом приголубленным,
с доверчивым однообразием,
последуем за миролюбием
вещей, за чистым их согласием,

за их судьбою незапятнанной,
за музыкой касаний умною, —
они тоской по жизни спрятанной
за это заплатили, думаю,

как слово тихое, не вещее,
с послушной верою упрямою
плывущее на свет немеркнущий,
очерченный оконной рамою.

СЧАСТЬЕ

Я вынимаю монпансье.
Ты помнишь их на вкус: лимон,
малина, вишня, — эти все
гремушки? Да? Не удивлён!

А круглый домик жестяной?
Взял в руки, повернул, чуть сжав,
открыл... Ты всё ещё со мной?
О, рассыпь с пряностью приправ!

Весна. Флажками шапито
трепещет в парусной красе.
Демисезонное пальто.
В кармане банка монпансье.

СТРИЖКА

Там, за окном, как бы за сценою,
с небес слетает снег живой,
а здесь — охота за бесценною,
неповторимой головой.

В зеркальном озере, как лилия,
она плывёт, а дальше чуть
горит береговая линия —
асфальтовый кремнистый путь.

Плывёт вдыхая, щурясь, нюхая,
покуда бритвенный прибор
жужжащею прицельной мухою
снимает стружку, вёртко-скор.

Забавен мир своими тельцами,
их прихотями что ни миг.
Паренье ножниц над прищельцами
и распыленья быстрый пшик.

ЗАВТРАК

Бывает день, не день — свечение,
воспеть ли мне душой отрадною
яйца в кастрюльке кипячение
зимой январской аккуратною,

воспеть ли малость невзначайную:
треск наледи от шага пешего,
постукиванье ложкой чайною
по скорлупе яйца белейшего?

Стучи, стучи ему по темени,
ты вычтен из себя, и в разности
нет ни людей, ни даже времени...
Кого ты окликаешь в праздности?

НА ПОРОГЕ

Войдѣшь — и темнота обступит.
Потом проявится окно
и свет вечерний приголубит.
Как бы колодезное дно.

Чем безымянней, тем дороже.
Где? не припомню... как сейчас,
я долгими стоял в прихожей
минутами не шевелясь,

в недавнем жизнеплощенье,
где опустевший дом притих...
Но нынешнее возвращенье
на проблеск явственной других,

на миллиграммовую гирьку,
призвякнувшую на весах,
к исчезновению впритирку
в странноприимных небесах.

ТОСТ

Стоит выпить ради мысли быстрой всякой,
ради происка её неуследимого, —
наливай, мой колокольчик, звякай, звякай!
За летящего, а в сущности — летимого!

Видишь — морось водянистым виноградом
над безлюдной и бесчеловечной площадью... —
Ты взгляни своим отсутствующим взглядом,
как согласно растворюсь в небесной росчуди.

Там, за облаком, где мне заказан столик,
я забуду, что не справился с заданием
жизни, — звякай, непутёвый колокольчик,
и приветствуй многодонным «до свиданием»!

ПО ТЕЛЕФОНУ

Ну в каком состоянии... Нахожусь не у дел...
Операция не привела улучшения...
Ничего не почувствовал из того, что хотел...
Кровь не хлынула по артериям для обращения...

Кровь должна обращаться, но не идёт
должным образом... Я уже понимаю злиться...
Что ты спрашиваешь вопросы «куда кладёт»?..
Человеку у нас положена по статье больница...

Логопед кладёт... Каждое слово теперь на вес...
Я на кухне, Лиза в комнате врозь обитает...
Теснота количеству спальных мест вразрез...
А меня обретает тоска... Тоска обретает...

РЯДОМ

Слово, родившись, не помнит своей немоты.
Впрочем, бывает, идёшь и внезапно — не ты.

Некто, врасплох потерявший себя... Голубой
странно любить небосвод посторонним собой.

Странно, как если б то самое слово, влегке,
вышло пройтись с тишиной своей на поводке.

ЗА ГРАНЬЮ

За тем окном, в ленивой несвободе,
кот, — перед ним, кружась, кипит листва,
в нём мысль, её предел, при переводе
на человеческий: хочу туда.

Он лапой по стеклу слегка поводит —
жест инстинктивный — не проникнуть за
грань тонкую, глаза кошачьи ходят
туда-сюда, — часы, а не глаза.

Мир комнаты таится за стеклянной
перегородкой... — кто там? С первых строк
стихотворенья тянет валерьяной
и светится зелёный пузырьрёк.

СОН

вдруг рыба торкнулась в окно
висит и тычется
и как-то на сердце темно
почти что плачется
зачем пришла за чем за кем
глядит просительно
и мой испуг в ответ ей нем
так непростительно
то вверх то вбок юлит она
то вниз то вбок опять
всё по периметру окна
пришла молчком пытаться
молчит на то и рыбе рот
чтоб кругло узиться
и немотой дышать вперёд
ночь совесть узница

ВЗГЛЯД

Тойота не спеша с заправки тронет.
Прохожий выбросит (как бы уронит)
бумажку. Мимо. Реплика «Крестов»,
за изгородью реденьких кустов
дом в солнце тонет.

Краснокирпичный. Четырёхэтажный.
Невидящими окнами чуть страшный.
Зайдёшь в квартиру, глянешь изнутри... —
смотри туда, где нет тебя, смотри
на свет протяжный.

На дрящийся. На неопровержимый,
поскольку и дрожащий, и дрожимый.
Грамматика: действительный залог
одушевлён страдательным. Се Бог.
Твори, Творимый.

НОЧЬ НА 3 АПРЕЛЯ 2009 ГОДА

Льву Дановскому

С ожесточением, не каменный,
жил я в квартале от красной тюрьмы.
Дай-ка возьму этот ритм неприкаянный
на ночь взаймы.

«Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?»
Как эту ночь переплыть?
Помню буксиры с их криками сиплыми.
Мост разводной не забыть.

Это Литейный, Литейный.
Выйдешь к реке — небосвод воспалён
где-то над Биржей, где длится ладейный
эндшпиль ростральных колонн.

Можно сказать, что на стогах
тишь и чернѣхонько в окнах.

Стихли застольные пьяные гомоны.
Город-укор в распрямлённой красе.
То ли уснули неправедным сном они,
то ли попрятались все.

Я, подневольным крещён понедельником,
помню предутренний свет.
Нас было трое, ты был нашим Дельвигом.
Первый, которого нет.

Этот мотив я затеял, не ведая,
что обращаюсь к тебе.
Осыпь апрельская, — время грохочет отпетое
льдом в водосточной трубе.

СУТЬ ДЕЛА

Точка засыпания прекрасна,
как ничто на свете, так легка.
Только что не спал — и вдруг погасла
вся эта латерна магика.

Ровное прервав повествованье
и перечисление вещей,
нам представить наше расставанье
следует исчерпывающе.

Чтобы его встретить не проклятьем,
даже и не сожаленьем, но
благодарностью, простым приятьем.
Остальное не существенно.

ЮНОСТЬ

Вижу, вижу за оградой листву я,
там копейка луны обронена,
под луной и свидетельствую,
как святительствует город огненно, —

безответной любви одиночество
восхитительно, а не бедственно,
и не столько паломничество,
сколько рай непосредственно.

Осень брезжущая, неброская,
поздним вечером река тревожная
да стезя Каменноостровская,
в свет дождя рукоположенная.

РОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Славе Вольфсону

Шланг легонько так извивается,
из него вода изливается,
помидором гретым воздух тяжёл,
к шлангу я подошёл.

Жарко жар идёт-поднимается,
полуспит дитя, скукой мается,
георгин на грядке ярко-мясист,
как матисс-аметист.

Подбираю шланг с замиранием,
двор дрожит стрекозиным реяньем,
поливаю двор, в солнечном свете,
в радужном забытье.

Распылённая вода катится
по траве и десятикратится
разбегаясь, ставнями дом закрыт,
дом прохладу хранит.

Лето длится, лето бессрочное,
золотой цикадой прострочено,
циферблат-подсолнух в огне стоит,
тяжесть-время таит.

В доме бархат побелки на ощупь,
а за круглым стеклом стрелок росчерк.
Отражением дня зажглось стекло, —
дрогнув, время пошло.

РАДИОСПЕКТАКЛЬ «ИВАНОВ»

А. Д.

Одна из коммуналок родины.
Темно. Соседи Приколотины.
Все вещи неудобной комнаты
тоскливым вечером приобняты.

Тебе лет десять. Завтра школа.
Тарелка радио у пола.

Околеванца нет... Околеванца?
Ты что-то загорделась... Загорделась?
Предгрозового фьють немного солнца, —
в буфете рюмка загорелась.

Ты сослан к тётке. Где родители?
Они в раздоре? Их похитили?

С тобою, Коля, жить такие муки...
Ань, глядя на тебя, мрут мухи...
Соседка, а соседка, дайте рубель.
Соседкина фамилия Рейхрудель.

Накрапывает. Подоконник. Скрежет
трамвая угол Кировской отрежет.

Потом романс «Я вновь перед тобою...».
Светло-вишнёвые обои.

В квартире шумно, многожительно.
И некуда деваться положительно.

Я всё снесу. Куда снесёшь? Не смей.
В ломбард. Мне опротивел мой
дом. Я не выдержу своей
насмешки над самим собой.

Пора и честь знать. Что за чёртов дом...
И с улицы, как выстрел, гром.

ЗДЕСЬ И ТАМ (романс)

Не надо рук заломленных смятенья,
рыданий на расхристанных пирах,
явь смерти — там, здесь — негa сновиденья
о тех мирах.

Хоть игра родней,
не юродствуй, ой-
да быть собой трудней,
чем не собой.

В сон клонит из докучливого бденья, —
как хорошо в молчанье и тепле!
Сон жизни — здесь, там — сила пробужденья
в жизнь на земле.

Хоть и ночи тьма
подступает, ой-
да не сходи с ума,
побудь собой.

Ты только здесь в покое колыбельном,
ты только там в безщадных небесах,
есть «здесь» и «там» в дыханье нераздельном,
как на весах.

Хоть тяжёл твой крест
непосильно, ой-
да надо, надо несть,
чтоб стать собой.

ВИНА

Помню ещё иглы
проблеск и мать, она
шьёт, в закоулке мглы
лампой освещена.

А на исходе дня
зимнего, под окном,
держит она меня
за руку перед сном.

Лет через сорок пять,
в том же углу, она
всё, что могла, — лежать,
парализована.

Руку её держал
маленькую, когда
в путь её провожал
отсюда туда.

С нею был, но не весь,
тёплой была рука,
в том виноват, что здесь
оставался пока.

Жизни тонкая нить
вдета в иголку-смерть.
Чтобы вину избыть,
следует умереть.

РОЛЬ

Так написана роль.
Надо сыграть суметь.

В. Черешня

Жизнь предъявляет боль.
Сопротивляться нет
сил. Это значит — роль
кончена. Гаснет свет.

Делу, король, венец.
В тьму замурованный,
кто ты теперь? Мертвец
загримированный.

Как в зазеркалье путь —
путь в закулисье, вдоль
фосфорных меток, чуть
видимых, мой король.

Чудо-посмертный-сон —
аплодисментов шквал.
Знать, зовут на поклон.
Ты хорошо сыграл.

ОДА ОЛЕ ГОЛОВИНОЙ

Средь юности моей соучениц
великолепная одна
мне вспомнилась, я упадаю ниц,
пою тебя, Головина!
Вот Оленька, вот ты стоишь
на чувств подростка острие,
и шея тонкая, и говоришь,
о, длинношеее в три «е»!

Грехи мои зачав, пусть не со мной
спя, Оленька, ты яркий яд
влила мне в ухо, в головной
мозг, где взъярённых мыслей сад
расцвел, и в нём
забил фонтан, —
твой язычок во рту огнём
мелькал, а голос твой, — гортанн,

гортанн, и нежен, и поющ,
я слышу весь
колоратурный этот плющ, —
столь вьётся он во мне по днесь!
Головина, о, с кем бы ни спалось
тебе, боготворил любя,
сказать ли, что, задету вскользь
распадом, я встречал тебя

поздней, что ты спилась, что зуб
исчез, потом второй,

что ты однажды стала труп,
осенней лиственной порой,
на том углу упав,
где вся твоя была прекрасна стать,
включая тазобедренный сустав?..
Нет, правде нынче не бывать!

Ты на углу стоишь, манящ
твой взгляд, в губах
улыбка змейкой, серый плащ
тобой пропах,
в нём притаилися духи
и нежный похотливый пот,
о, все во мне зачатые грехи
поэт растроганный поёт!

С ПОХОРОН

О, «когито» блеснувший коготок,
вцепившийся в моё существованье,
застрявший в нём! Что значит слово «Бог»,
как не Его дыханье?

Что может быть прекраснее, чем снег
и дерево в ветвящемся ознобе?
Жизнь жительствоует, мёртвый человек
не одинок во гробе.

Не новая ль звезда вонзилась в синь,
как бы с земли взметённая шутиха?
Не гаснет Твой небесный свет. Аминь.
Неотвратимо. Тихо.

ИСТОК

Надо удержать момент незнания,
мысль к себе не подпустить, —
так подвешен маятник, до созиданья
времени, и неподвижна нить.

Так бывает в солнечном соборе, —
входишь с площади, и там, в тиши,
есть секунда до страстей-историй,
вписанных любовно в витражи.

Но пока не шелохнутся нити
и ни жалости, ни скорби нет,
подбирают для тебя наитье,
чтобы из незнания ты шагнул на свет.

ЖИЗНЬ МОЕГО СОСЕДА

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.

А. Блок

1. Жена

Не поздний вечер. Восемь пятнадцать.
Жена ушла спать и прикрыла дверь.
Она сумасшедшая. Восемь шестнадцать.
На площади за окном отдыхает сквер.

Я слушаю ветер. Восемь семнадцать.
В него вплетается щебет птиц.
Жена любит каждый день просыпаться
и плыть на работу, где скопище лиц.

Она на чулочной фабрике двумя руками
девять часов шьёт целый день,
им выдают зарплату иногда коврами,
мы постепенно не знаем, куда их деть.

Она садится на пристани в белую лодку,
в пять десять отчаливает, пока я сплю.
Я поздно лёг, я жалел жену-идiotку.
Я сам не знаю, как эту жизнь дотерплю.

2. В паре

С понедельника целиком забиваюсь я в тишину,
становясь опять перебежчиком от одних
выходных к другим: молчаливо жну,
что посеял, сею опять, заготавливаю жмых.

А жена забивается в свой за стеной отсек,
что-то мелет, просеивает, варит, ткёт,
и соседи, стекольщик, молотобоец и дровосек,
не покладая рук работают, эти два и тот.

Нас с женою держит мысль на плаву,
что пойдём в выходные кормить в пруду
черепаху, — она из панцирной книги своей главу
выдлиняет морщинисто, просит дать еду.

Мы с женой не очень-то меж собой говорим,
только держимся за руки иногда,
а свободными — бросаем еду, и так стоим,
и слегка краснеем, если кто видит нас, от стыда.

3. Часы и очки

Я вспомнил друга юных лет
и за два шага до входных
ворот заплакал, друга нет,
потом, когда вошёл я в них,
такой случился разворот
в движеньях жизни: снял очки
и положил их на комод,
к часам (я слышал их скачки),
потом немного отошёл
и оглянулся — как лежат? —
и заново к ним подошёл, —
нехороши они на взгляд.
Нет соразмерности начал
у двух вещей, — то далеки,
а то близки чрезмерно. Стал
часы я двигать и очки.
Потом волнение улеглось.
Пришла жена, глядит: часы
лежат согласно, хоть и врозь
с очками в капельках слезы.

4. Забытьё

Над газоном вспыхивают светлячки,
выше, ниже, наобум,
как шахтёры вылезли и на крючки
лампы вешают, забыв свой ум.
Вот вечерняя какая воркута
разворачивается в караганде,
я смотрю, смотрю в окно, смотрю туда, —
где меня нигде.
Или то смертельно-тихий бой
душ давно в земле истлевших тел?
Обернёшься — и вдогонку за собой.
На подножку прыгнешь разума — успел.

5. В поздний час

за окном игольчатый шпиль
это ель горит на закате
вот приходит жена вытирает пыль
вытирает пыль гладит платье

иногда смотрю на неё
совершенно стоит чужая
вот сгребает она постирать бельё
жалость в сердце моём большая

но сказать что сблизило нас
не скажу в голове смешалось
а когда породнились сближались раз
даже больше за ночь сближались

помню мне казалось тогда
что теньями стали друг друга
что в любви теряешь себя навсегда
видишь выбрались из недуга
и теперь мы странно стоим
на виду у звёзд и вселенной
а бывает сидим по углам своим
и молчим в тоске постепенной

6. На отшибе

Мы выходим всё реже,
больше дома сидим
да залатываем с ней бреши
в мирозданье словом простым,

словом «чай», или «грустно»,
или словом «ключи»,
устной речи уже не густо —
так, разбросанные клочки.

К нам никто не стучится,
дверь закрыта на крюк.
Только «скорой» в ночи волчица
воет от человеческих мук.

7. Оборона

Раз в году или даже два
мы сидим в гостях, или гости
к нам приходят, жена едва
их выносит, но терпит в злости.
Не двужилъна. Душестоянье ей
тяжело даётся, я слышу,
как она арматурой всей
скрипит, держит крышу.
Если ж спор у меня зайдёт
с собеседником (я в подпитье
жарок и говорлив), а тот
обладает встречною прытью,
и меня пытается одолеть,
и меня уже распыляет,
тут жена всю грудную клетку
напрягает и громко лает.
Унижать меня ей одной
позволяется, а на прочих
лает остервенело, я ей родной,
из трущоб её чернорабочих.

Разбегается по четырём ветрам
люди застольный, двужильный,
и разносится лай по дворам,
настигающий, сильный.

8. Орёл

Прилетела птица, сидит под окном,
перья вздыблены, смотрит вяло.
С человеческого рост. Я сказал потом:
«Кто сидит там?» Она сказала:
«Кто сидит?» Я сказал: «Сидит у окна
птица. Вздыблены серые перья».
«С перепоею привиделось?» — сказала она.
Я сказал: «Посмотри сама, моя пери».
Моя пери к ноябрьскому в поте окну
подошла, увидела и сказала:
«Это птица орёл». Я взглянул на жену —
в ней глаза были — два вокзала,
провожающих неизвестно зачем, куда
и кого, провожающих два — и точка.
«Может, это решка, а не орёл?» Ни да
не услышал, ни нет. Ни одного гудочка.

9. В выходные

Вечерами решаю «мат в три хода»
(у меня есть сборник задач),
по утрам, в выходные, когда погода
смотрит в окна, слышу безмолвный плач —
она стирает с шахматных фигур пыль,
ставит на место их, справа и слева.
О, взаимообразный штиль
дня... Это «вилка», «вилка» нам, королева!
— Так вот проходит жизнь... — вздыхает. —
Обещал научить играть — не научил...
Закононый ветер валы вздымает
и, ослабнув, гаснет среди стропил.

ДИТЯ ВОЗЛЕ ПЕКАРНИ

он стоит в окне смуглый бог
и раскатывает теста комок
скалкой быстрой до тоньшины
до песчаной белой его тишины
а потом он вертит в воздухе гибкий лист
цирковой артист
а потом он валяет его в муке
и висит раскатанный на большой руке
на руке большой мускулистой
вечер огненно-мглистый
вечер огненно-мглистый
я смотрю как он режет перец и помидор
как шинкует съедобный сор
натирает сыр смуглый бог красив
моцарелла мидии чернослив

как откроет он раскалённу печь
так во мне шевельнётся речь
я хочу увидеть как из печи
пицца выедет круглая и мелькнёт в ночи
полушарием карты мелькнёт почти
погоды погоды
не тяни не могу наглядеться я
там италия это греция
тянет мама за руку неумолчно
млечный огненноночный
млечный огненноночный
путь над площадью противень раскалён
по наклонной разгон
и всех запахов и цветов прилив
моцарелла мидии чернослив

ОНА

Пусть сидит в своей зелёной клетке, —
есть стихи, в которых всё возможно...

В. Черешня

Ах, она вздыхает в своей клетке,
птица, выбравшая счастливый плен,
рифма её окликнула — и с шумной ветки
она слетела в комнату тихих стен.

Хозяин кормит её, поит, холит,
возлюбленный прилетает к окну,
она вздыхает: «Никто меня не неволит...»
И предаётся изменническому сну.

Обречённость — чудная её участь.
Ах, возлюбленному и невдомёк,
как она щебечет с хозяином, вся озвучась!
Эрос, эрос неволи, все сильный бог.

У СТЕНЫ

За того, кто болен неизлечимо
и кому так страшно в ночи сейчас,
помолись, прохожий, идущий мимо,
возле стен больничных остановясь.
Всё, к чему ты себя приладил,
разрастаясь то ввысь, то вширь,
знал и тот, который утратил
смысла праздноцветущий мир.
Там борьба не на жизнь, а на смерть,
вникни, — может быть, в кирпичи
вшепчешь силу, с которой гаснуть
легче будет измученному в ночи.

РОДИТЕЛИ НА ЗАКАТЕ ДНЯ

Когда б они взглянули на меня
сейчас, я эту мысль не подпускаю,
но прорывается, гоня
себя к неведомому краю,
точней к тому, где я на них смотрю
и ничего не вижу, но в усилье
непререкаемом к ним путь торю,
как если б там, между небесной синью
и синью моря, что совсем слились,
увидел нить, как если б ухватиться
хотел и заглянуть за край... Проснись.
Или усни совсем — и прояснится.
И слышу голоса, они идут
по набережной, с ними мальчик,
«в ничто на свете не влюблённый...
тёмно-зелёный...»
крон остывает изумруд,
ещё ни снов, ни мыслей мрачных,
и плещутся флажки на мачтах.

ДЕНЬ МАНДЕЛЬШТАМА

Зыбилось вокруг да около,
вдруг увиделось насквозь:
городок как сердце ёкнуло,
а потом оборвалось.

Небо северной Нормандии
расступилось, и собор —
островерхая громадина —
осветлился в слове «взор»,

в сочетанье этом пристальном
букв, в прицельном их строю.
В улиц радиусы, к пристаням
уходящие, смотрю.

Не случайна жизни чистая
кружевная светотень.
Луч и суть его лучистая
улучили этот день.

ВОЗЛЕ ТЕЛЕФОНА

Если нас выкручивать, как бельё,
капнет капля жалости, капля презренья,
капля любви, ты слышишь меня, аллё...
Но связи нет, как до сотворенья...
С кем говорил я?.. Разве я говорил?..
Вспомнил лицо её — и захлестнуло горе.
Кто и зачем нас так сотворил,
чтобы найти сегодня в разоре?
Нет, я вспомнил точней: по её лицу
пробежала светлая тень, и слеза омыла
глаз, но пресеклась на краю.
Почему не спросил я, что это было?..
Может быть, увидела красоту вещей,
абсолютную, без единой фальши,
и подумала, что мы уступаем ей
по всему периметру и гораздо дальше.

СТОП-КАДР

Документальный фильм. Расстрел.
Вчера смотрел.

Толкают в яму,
допустим, Зяму.

Земля сыра.
В голове дыра.

Теперь стоит раскидистое дерево.
Посёлок Зверевое.

ШПАЛЕРНАЯ

Напиши стишок,
как холщовый мешок
шьют для писем
Ваням-Изям.

Как прошения в нём
у помойки той
ночью жгут, не днём.
Там постой.

В том дворе самом
жил я много лет,
где в тридцать седьмом
жёны шли след в след.

Воздух дня пропах
весь бензином там.
Чёрный страх,
стыд и срам.

Стыд, и срам, и плач.
Ты на рифмы зов
выскользай, палач,
из ночных пазов.

Выскользай, кровав,
сучий пёс.
Кто убил, тот прав
в молотбе колёс.

Вон горит мешок
под его смешок, —
слёзы жён, невест
искрами до звезд.

Корчи жалоб-просьб
(«...если б не донос,
кантоваться врозь б
не пришлось...»).

А гэбэшный хряк
под горящий вой
отогрелся так,
что опять живой.

КОВЧЕГ

Крюк меж дверей, где упокоен хлам —
две щётки, вакса, ношенная обувь,
тряпьё, — дай выброшу, не дам,
закроемся, жизнь обособив,

проброс цепочки и щеколды щёлк,
ковчег квартиры отплывает,
дай выброшу, не дам, я знаю толк
в руинах, голова пылает,

всего по паре: стариков, детей,
брюк, обуви, очков, перчаток...
есть что-нибудь от Ноя? нет вестей...
никто из них, в любви зачатых,

не выживет, никто, семья
проглочена ночной утробой...
вот только слёз не надо, видишь, я
их всех забыл... Забыл. И ты попробуй.

НОЧНЫЕ ВЕЩИ

1

На красном стуле, возле
дивана моего,
щёлкнул копытцем ослик
Кузмин легко.
Я проснулся его увидеть,
но простыл и след,
только тихонько тикать
продолжает брегет.
Чудное происшествие
жизни. Зачем же спесь?
Не надо божественного.
Всё уже здесь.

2

Выгляни — снегоборочный
работает комбайн,
полночью обморочной,
ископаемый тайн.
Площадь великолепная,
как хлопущка, пуста,
снега толпа безбилетная
целует комбайн в уста.

3

Вот в счастливейшем он позднем детстве
входит в комнату, — и тут
ему отдают салют
книги, стройные зелёногвардейцы.

Он лежит, и затуманивается блаженно
шриффт страниц,
и мерцанью зарниц
отвечает окно и стихает отдохновенно.

И сейчас, случается, спать я ложусь
и вслух улыбаюсь,
как будто влюбляюсь.
Неужели когда-то я этого счастья лишусь?

4

зелёного лука с бородкой пучок
лежит как китаец живой старичок
а репчатый тоже китаец
покатится жёлтый и станет катаец
а красные перцы
удобренных грядок округлые сердцы
а там багровеет гранат
своей скрупулёзной зернистости рад
а там голова помидора
как жертва лежит термидора
и как дирижабли лежат баклажаны
и грузно арбузы одеты в пижамы

так ночью я умственным зрением
прильнул к заболоцким твореньям

5

Вероятность родиться собой —
исключительный ноль,
нежный ноль голубой.
Но он выпростал ручку и, ею махнув, стал бемоль.

Воздух чист, головастик-бемоль
шевелинулся в воде,
жизнеюрка голь,
и трёхкамерным сердцем забился на нотном листе.

СОДЕРЖАНИЕ

Событие жизни.....	5
Вечер	6
Мгновенный снимок	7
Наутро	8
Живые и мёртвые.....	9
Учтивость	10
Природа и мы	11
Человек	12
Себя б	13
Сказка.....	14
Бинокль	15
Мышь.....	16
Причастие.....	17
Фотография	18
Ходасевич в столовой.....	19
Испуг	20
Старик	21
Слово	22
Счастье.....	23
Стрижка	24
Завтрак	25
На пороге	26
Тост	27
По телефону.....	28
Рядом.....	29
За гранью	30
Сон	31
Взгляд.....	32
Ночь на 3 апреля 2009 года	33
Суть дела	34
Юность.....	35
Рождение времени	36
Радиоспектакль «Иванов»	37
Здесь и там (романс)	39
Вина	40
Роль.....	41
Ода Оле Головиной	42
С похорон	44
Исток	45
Жизнь моего соседа	46
1. Жена.....	46
2. В паре	46
3. Часы и очки.....	47
4. Забытьё	48
5. В поздний час	48
6. На отшибе	49
7. Оборона	49
8. Орёл.....	50
9. В выходные	50
Дитя возле пекарни	51
Она	52
У стены	53
Родители на закате дня	54
День Мандельштама	55
Возле телефона.....	56
Стоп-кадр	57
Шпалерная	58
Ковчег	60
Ночные вещи	61

Г 19

Гандельсман В.

Ладейный эндшпиль. Книга новых стихотворений. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2010. — 64 с.

ISBN 978-5-89803-208-1

ББК 84. Р7

Гандельсман Владимир Аркадьевич

Ладейный эндшпиль

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2010

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД